

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЮЛИЯ
ДРУНИНА

ЮЛИЯ ДРУНИНА

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1 9 6 8

Редакционная коллегия:
И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ

Друнина Юлия Владимировна

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1968.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

Редактор Н. Лагранж

Художник А. Власова

Художественный редактор Н. Коробейников

Технический редактор И. Егорова

Сдано в набор 22/XII 1967 г. Подписано к печати 6/III 1968 г.
А04148. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 1
(1,4). Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 400 000 экз. Зак. 2917. Цена 12 коп.
Т. П. 1968 г., № 372.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва,
А-30, Суцеская, 21.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Принято, что составитель маленькой книжечки «Избранной лирики» не только помогает поэту отобрать действительно лучшие стихи, а как бы еще и представляет его читателю. Но представлять советскому любителю поэзии Юлию Друнину — значит ломиться в открытые двери. Я не допускаю мысли, чтобы имя ее не было известно человеку, хоть однажды потянувшемуся к стихам.

И если я взялся писать короткое слово к этой маленькой книжечке, то лишь потому, что испытываю благоговейное равнодушие ко всему тому, что вписано советскими поэтами — в том числе и Юлией Друниной — в нашу военную поэзию. Вписано не поэтическими декларациями, а всей окопной судьбой, неотрывной от судьбы целого народа.

Сейчас, когда прошли десятилетия со Дня Победы, легче говорить о пережитом, но пусть сегодняшние ребята и девчата поймут, что «романтика» войны для молодежи тех лет оборачивалась с первых же дней суровостью повседневного фронтового быта, ежечасным соседством со смертью, не щадившей ни отцов, ни детей, ни светлокосых солдат в шинелях. «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне», — написала Юлия Друнина. И в этой ее не демобилизующей, а беспощадно правдивой формуле скрыта не просто полемическая страсть поэта, но опыт солдата.

Какое должно быть богатое сердце у человека, чтобы, вернувшись с войны от жестокостей, принести в нем людям стихи. Мне рассказывали, что в поездке по ФРГ Юлию Друнину спросили: «Как вы сумели сохранить нежность и женственность после участия в такой жестокой войне?» Она ответила, что для нас

весь смысл войны с фашизмом был в защите этой женственности, спокойного материнства, благополучия детей, мира для нового человека.

Пусть всмотрится читатель в побудительные мотивы, которые зовут Юлию Друнину к перу. Ее стихам чужда праздность. Они пропитаны жизнью во всех ее проявлениях. Безобманчивость и неподдельность чувств. Ее поэтические средства незамысловаты, они просты. Но ведь когда человек говорит о важном, о наблевшем, о волнующем всех, ему не нужны особые литературные «приемы» — здесь прямая связь сердец через общность интересов, доверительность и искренность.

И стихи, обращенные поэтессой к Веронике Тушновой, с полным правом могли бы быть адресованы самой Юлии Друниной:

Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено, —
Твой голос тихий, как сердцебиенье,
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...

Многие стихи Юлии Друниной: «Ты вернешься», «Я только раз видала рукопашный», «Зинка», «Брошенной» и другие — стали почти хрестоматийными, они заучиваются наизусть многими любителями поэзии.

Пусть эта книжечка избранной лирики Юлии Друниной пополнит библиотеку каждого юноши и девушки — с этой книжкой войдет в их дом и сама поэзия, и сама история, и живая судьба одной из тех, кто словом и делом боролся и борется за то, чтобы люди на земле были счастливы.

В л а д и м и р Т у р к и н

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо, родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, из жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша! —
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —

Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.
И запахнет фронтом — снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Мы, друзья-однопольчане павших,
Их, безмолвных, воскресить должны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, —
Песней
 возвратишься ты с войны!

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне.
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

* * *

Контур леса выступает резче.
Вечереет. Начало свежить.
Запевает девушка-разведчик,
Чтобы не темнело в блиндаже.

Милый! Может, песня виновата
В том, что я сегодня не усну?
Словно в песне, мне приказ — на запад,
А тебе — «в другую сторону».

За траншеей — вечер деревенский.
Звезды и ракеты над рекой...
Я грущу сегодня очень женской,
Очень несолдатскою тоской.

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

ЗИНКА

Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.
— Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

...Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.

...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?

* * *

Кто-то бредит. Кто-то злобно стонет.
Кто-то очень, очень мало жил.
На мои замерзшие ладони
Голову товарищ положил.

Так спокойны пыльные ресницы.
А вокруг — нерусские края.
Спи, земляк. Пускай тебе приснится
Город наш и девушка твоя.

Может быть, в землянке после боя
На колени теплые ее
Прилегло кудрявой головою
Счастье беспокойное мое...

* * *

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет! Мы с тобой узнали не из сводки
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, —
Быть может, на дороге фронтовой...

ДВА ВЕЧЕРА

Мы стояли у Москвы-реки,
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел —
Так порою на чужих глядят.
Посмотрел и улыбнулся мне:
— Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель спала ты на снегу,

Автомат пристроив в головах?
Я тебя представить не могу
В стоптанных солдатских сапогах...

Я же вечер вспомнила другой:
Минометы били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
— Вот лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках!..

* * *

В каком-нибудь неведомом году
Случится это чудо непременно:
На Землю нашу, милую звезду,
Слетятся гости из всей Вселенной.

Сплошным кольцом землян окружены,
Пройдут они по улицам столицы.
Покажутся праправнукам странны
Одежды их и неземные лица.

На марсианку с кожей голубой
Праправнук мой не сможет наглядеться.
Его земная грешная любовь
Заставит вспыхнуть голубое сердце.

Его земная грешная любовь,
И марсианки сердце голубое —
Как трудно будет людям двух миров!..
Любимый мой, почти как нам с тобою...

РЖАВЧИНА

Я любила твой смех, твой голос.
Я за душу твою боролась.
А душа-то была чужою,
А душа-то была со ржою.
Но твердила любовь:
— Так что же?
Эту ржавчину уничтожу!

Были бури, и были штили.
Ах, какие пожары были!
Только вот ведь какое дело —
В том огне я одна горела:
Ржа навеки осталась ржою,
А чужая душа — чужою...

ТЫ РЯДОМ

Ты рядом, и все прекрасно:
И дождь и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.

Мы рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете.

Мы любовь свою схоронили,
Крест поставили на могиле.
— Слава богу! — сказали оба.
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что ж вы сделали?
Я живая!

НАКАЗ ДОЧЕРИ

Без ошибок не прожить на свете,
Коль весь век не прозябать в тиши.
Только б, дочка, шли ошибки эти
Не от бедности — от щедрости души.
Не беда, что тянешься ко многому,
Плохо, коль не тянет ни к чему, —
Не всегда на верную дорогу мы
Сразу пробиваемся сквозь тьму.
Но когда пробьешься — не сворачивай
И на помощь маму не зови...
Я хочу, чтоб чистой и удачливой
Ты была в работе и в любви.
Если горько вдруг обманет кто-то,
Будет трудно, но... переживешь.
Хуже, коль «полюбишь» по расчету
И на сердце приголубишь ложь.
Ты не будь жестокой с виноватыми,
А сама виновна — повинись.
Все же люди, а не автоматы мы,
Все же не простая штука — жизнь...

БРОШЕННОЙ

Жизнь бывает жестока, как любая война:
Стала ты одинока — ни вдова, ни жена.
Это горько, я знаю — сразу пусто вокруг.
Это страшно, родная, — небо рушится вдруг.
Все черно, все угрюмо... Но реви не реви,
Что тут можно придумать, если нету любви?
Может, стать на колени? Обварить кипятком?
Настрочить заявление в профсоюз и партком?
Ну, допустим, допустим, что ему пригрозят,
И, напуганный, пусть он возвратится назад.
Жалкий, встанет у двери, оглядится с тоской.
Обоймет, лицемера, — для чего он такой?
Полумуж, полупленник... Тут реви не реви...
Нет грустней преступления, чем любовь без любви!

РОВЕСНИЦАМ

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Голодной военной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазные, тощие, мы хорошели
И верили: это — на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда — как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблучков
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков?..

На фронте немало случалось нам мучиться,
Но все же сдается, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне...

* * *

Почему мне не пишется о любви?
Потому ли, что снова земля в крови,
Потому ли, что снова земля в дыму?
Потому ли?.. Конечно же, не потому.
На войне, даже в самый разгар боев,
Локоть к локтю шагала со мной любовь —
Не мешала мне, помогала мне
Не тонуть в воде, не гореть в огне.

Почему ж замолчали мои соловьи,
Почему мне не пишется о любви?..

ДЕВЧОНКА ЧТО НАДО

По улице Горького — что за походка! —
Красотка плывет, как под парусом лодка.
Прическа — что надо!
И свитер — что надо!

С моднейшим оттенком губная помада!
Идет не стилижка — девчонка с завода,
Девчонка рожденья военного года,
Со смены идет (не судите по виду) —
Подружку ханжам не дадим мы в обиду!
Пусть любит с «крамольным» оттенком помаду.
Пусть стрижка — что надо,
И свитер — что надо,
Пусть туфли на «шпильках»,
Пусть сумка «модерн»,
Пусть юбка едва достигает колен.
Ну что здесь плохого?
В цеху на заводе
Станки перед нею на цыпочках ходят!
По улице Горького — что за походка! —
Красотка плывет, как под парусом лодка,
А в сумке «модерной» впритирку лежат
Пельмени, Есенин, рабочий халат.
А дома — братишка, смешной оголец,
Ротастый галчонок, крикливый птенец.
Мать... в траурной рамке глядит со стены.
Отец проживает у новой жены.
Любимый? Любимого нету пока...
Болят обожженная в цехе рука...
Устала? Крепись, не показывай виду —
Тебя никому не дадим мы в обиду!
По улице Горького — что за походка! —
Девчонка плывет, как под парусом лодка,
Девчонка рожденья военного года,
Рабочая косточка,
Дочка завода.
Прическа — что надо!
И свитер — что надо!
С «крамольным» оттенком губная помада!

Со смены идет (не судите по виду) —
Ее никому не дадим мы в обиду!
Мы сами пижонками слыли когда-то,
А время пришло — уходили в солдаты!

КТО ГОВОРИТ, ЧТО УМЕР ДОН-КИХОТ!

А. К.

Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте:
Он неподвластен времени и смерти,
Он в новый собирается поход.
Пусть жизнь его невзгодами полна —
Он носит раны, словно ордена!
А ветряные мельницы скрипят,
У Санчо Пансы равнодушный взгляд —
Ему-то совершенно не с руки
Большие, как медали, синяки.
И знает он, что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что прежде, чем кого-нибудь спасешь,
Разбойничий получишь в спину нож...
К тому ж спокойней дома, чем в седле...
Но рыцари остались на земле!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Он в новый собирается поход!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?

ТЕТЯ ЛУША

Она сидит перед домом величественно, как Будда,
Ощупывает прохожих цепкий колючий взгляд.
И каждый под этим взглядом ежится так, как будто
В чем-то плохом замешан, чем-нибудь виноват.

Ей до всего есть дело:

«Ишь, юбку торчком надела!

А хахаль напялил дудочки — совесть-то потерял!

А энта, что губки бантиком, путается с женатиком!

А энта!..»

Лифтерша наша судит, как трибунал.

А дом наш стоит в районе, который в деревьях тонет,
В совсем молодом районе, где солнце, где воздух чист.

Дают мне совет старухи:

«Не делай слона из мухи,

Подумаешь, тетя Луша! Лифтерша ведь —

не министр!»

...Сгущаются луга запахи в июле на Юго-Западе.

Такое раздолье пчелам у нас во дворе веселом.

В зеленом моем районе шумит сенокос в июле...

Торжественно, как на троне, мещанство сидит

на стуле...

А мне говорят:

«Послушай,

Война проверяла души.

В войну наша тетя Луша не баба была — герой.

По крыше походкой валкой катилась за зажигалкой,

В обнимку с противогоазом дремала ночной порой».

За это ей честь и слава! Но мы не давали права

Заслуженной тете Луше лезть в души, плевать нам
в души!

Тревога! У нас в районе мещанство сидит на троне,

Сидит перед новым домом, не где-нибудь — на виду...

И людям воротит души, людей отвращенье душит.

«Спасибочки, тетя Луша, я лучше пешком пойду!»

ГИМН ДВОРНЯГАМ

Слюнявы, горды, мордаты, смешной раскорякой ноги,
Собаки-аристократы — боксеры, бульдоги, доги —
Хозяев своих послушных выводят на поводках.

Собачьей элите скучно, пресыщенность в злых
зрачках.

Живые иконостасы — висят до земли медали —
Животные высшей расы, всё в жизни они видали.
Гарцуя на лапках шатких, закутанные в попонки,
Гуляют аристократки — чистейших кровей болонки.
На них наплевать дворнягам — бродягам
и бедолагам.

Беспечны, свободны, нищи, они по планете
рыщут...

Не многие знают, может, что в пороховой пыли,
Сквозь пламя, по бездорожью, в тыл раненых
волокли

Отчаянные упряжки — чистейших кровей дворняжки.
Эх, саночки-волокуши, святые собачьи души!..
Товарищи, снимем шапки в честь всеми забытой
шавки,

Что первая во Вселенной посланцем Земли была.
В межзвездной пустыне где-то сгорела ее ракета.
Как верный солдат науки, дворняжка себя вела.
И снова, чтоб во Вселенной опробовать новый шаг,
Шлем к звездам обыкновенных, хвост кренделем,
симпатяг.

Им этот вояж — безделка, они ко всему готовы,
Красавицы Стрелка с Белкой — предшественницы...
Терешковой.

САПОЖКИ

Сколько шику в нарядных ножках —
И описывать не берусь!
Щеголяет Париж в сапожках,
Именуемых «а-ля рюс».
Попадаются с острым носом,
Есть с квадратным —
На всякий вкус.
Но, признаться, смотрю я косо
На сапожки, что «а-ля рюс».
Я смотрю, и грущу немножко,
И, быть может, чуть-чуть сержусь.
Вижу я сапоги, не сапожки,
Просто русские, а не «рюс», —
Те, кирзовые, трехпудовые,
Слышу грубых подметок стук,
Вижу блики пожаров багровые
Я в глазах фронтовых подруг.
Словно поступь моей России,
Были девочек тех шаги.
Не для шика тогда носили
Наши женщины сапоги!..
Пусть блистают сапожки узкие —
Я о моде судить не берусь.
Но сравню ли я с ними русские,
Просто русские, а не «рюс»?..

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Прозрачных пальцев нервное сплетенье,
Крутой излом бровей, усталость век,
И голос, тихий, как сердцебиенье, —

Такой ты мне запомнилась навек.
Была красивой — не была счастливой,
Бесстрашная — застенчивой была...
Политехнический. Оваций взрывы.
Студенчества растрепанные гривы.
Поэты на эстраде, у стола.
Ну, Вероника, сядь с ведущим рядом,
Не грех покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься:

«Не надо!

Я лучше сзади, во втором ряду».
Вот так всегда: ты не рвалась стать «первой»,
Дешевой славы не искала, нет,
Поскольку каждым жестом, каждым нервом
Была ты божьей милостью поэт.
Была!.. Трагичней не придумать слова.
В нем безнадежность и тоска слились.
Была. Сидела рядышком... И снова
Я всматриваюсь в темноту кулис.
Быть может, ты всего лишь запоздала,
И вот сейчас, на цыпочках, войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав, из зала
Тебе заулыбалась молодежь...
С самой собой играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю в чудеса:
Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено —
Твой голос, тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —

Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...

НА ЭСТРАДЕ

Аудитория требует юмора.
Аудитория в общем права:
Ну, для чего на эстраде угрюмые,
Словно солдаты на марше, слова?
И кувыркается бойкое слово,
Рифмами, как бубенцами, звеня.
Славлю искусство Олега Попова,
Но понимаю всё снова и снова:
Это занятие не для меня...

Требуют лирики... Лирика — с нею
Тоже встречаться доводится мне.
Но говорить о любви я умею
Только наедине.
Наедине, мой читатель, с тобою,
Под еле слышимый шепот страниц,
Просто делиться и счастьем, и горем,
Сердцебиеньем, дрожаньем ресниц...

Аудитория жаждет сенсаций,
А я их, признаться, боюсь, как огня.
Ни громких романов, ни громких оваций
Не было у меня.
Но если меня бы расспрашивал Некто,
Чем я, как поэт, в своей жизни горда,
Ответила б: тем лишь, что ради эффекта
Ни строчки не сделала никогда!

* * *

Взять бы мне да и с места сняться,
Отдохнуть бы от суеты —
Все мне тихие села снятся,
Опрокинутые в пруды.

И в звенящих овсах дорога,
И поскрипыванье телег...
Может, это смешно немного:
О таком — в реактивный век?

Пусть!.. А что здесь смешного, впрочем?
Я хочу, чтоб меня в пути
Окликали старухи: «Дочка!
До Покровского как дойти?!»

Покрова, Петушки, Успенье:
Для меня звуки этих слов,
Словно музыка, словно пенье,
Словно дух заливных лугов.

А еще, словно дымный ветер,
Плач детей, горизонт в огне:
По рыдающим селам этим
Отступали мы на войне...

* * *

А годы, как взводы, идут в наступленье...
Ворчит мой комбат:
«Опухают колени,
И раны болят, и ломает суставы...»
А ты поднимись, как у той переправы,
У той переправы, в районе Ельца,
Где ты батальон выводил из кольца!

Комбат мой качает висками седыми!
— Мы были тогда, как щенки, молодыми,
И смерть, как ни странно, казалась нам
проще —
Подумаешь, пули невидимый росчерк!

Комбат, что с тобой? Ты не нравишься мне!
Забыл ты, что мы и сейчас на войне —
Что годы, как взводы, идут в наступленье?
А ты примиряешься с мыслью о плене —
О плене, в который нас возраст берет...
Не время ль скомандовать сердцу —
«Вперед!»

Не время ли встать, как у той переправы?
Плевать, что скрипят, как протезы, суставы!

Он чиркает спичкой, он прячется в дыме,
Он молча качает висками седыми...

* * *

В раковине крошечной эстрады,
С головой, откинутой назад,
Дочь республиканца из Гренады
Запевала марш интербригад.
В раковине крошечной эстрады,
В русском парке у Москвы-реки
Худенькой москвичке из Гренады
Подпевали мертвые полки.
За ее покатыми плечами
Проходили в боевом строю
Русские, французы, англичане —
Рыцари всех стран, что защищали
Горькую Испанию мою.
Да, мою, поскольку в пятом классе

Я бежала защищать Мадрид —
Я и рыжий конопатый Вася,
Что потом под Ельней был зарыт.
Нас домой с милицией вернули...
Шли года, была я на войне,
Но болит невынутою пулей
То воспоминание во мне:
В раковине крошечной эстрады,
С головой, откинутой назад,
Дочь республиканца из Гренады
Запевает марш интербригад.
В раковине крошечной эстрады,
В русском парке у Москвы-реки
Худенькой москвичке из Гренады
Подпевают мертвые полки...

* * *

Я в далеких краях побывала,
Как солдат, как газетчик, как гость.
Помнишь Сен-Женевьев де Буа —
Под Парижем российский погост?

Сколько там, в равнодушной земле,
Потерявших отчизну лежит!
В каждом сердце, на каждом челе,
Как клеймо, запеклось — «апатрид» *.

Знаю, были их дни нележки,
Куплен хлеб дорогою ценой.
Знаю, были они бедняки.
Хоть нажил миллионы иной.

* Не имеющий родины.

Бродят близкие возле оград,
В их глазах безнадежный вопрос.
О пронзительный волжский закат,
О застенчивость брянских берез!

Что ж, и нам суждено провожать —
Перед смертью бессилён любой.
Потеряешь когда-нибудь мать,
Защитить не сумеешь любовь...

Но опять забормочут ручьи,
Брызнет солнце в положенный час...
Знаешь, все-таки мы богачи:
Есть Отчизна — Россия — у нас.

Отними ее — ты бы зачах,
Отними ее — мне бы конец.
Слышу я в заграничных ночах
Перестук эмигрантских сердец...

* * *

Били молнии. Тучи вились.
Было всякое на веку...
Жизнь летит, как горящий «виллис»
По гремящему большаку.

Наши критики — наши судьбы:
Вознести и распять вольны.
Но у нас есть суровой судьи —
Не вернувшиеся с войны.

Школьник, павший под Сталинградом,
Мальчик, рухнувший у Карпат,
Взглядом юности, строгим взглядом
На поэтов седых глядят.

МНЕ БЛИЗКИ АРМЕЙСКИЕ ЗАКОНЫ...

Мне близки армейские законы,
Я недаром принесла с войны
Полевые мятые погоны
С буквой «Т» — отличием старшины.

Я была по-фронтовому резкой,
Как солдат, шагала напролом,
Там, где надо б тоненькой стамеской,
Действовала грубым топором.

Мною дров наломано немало,
Но одной вины не признаю:
Никогда друзей не предавала —
Научилась этому в бою.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Пролетели дни, как полустанки,
Где он, черный сорок первый год?
Кони, атакующие танки,
Над Москвой горящий небосвод?

А снега белы, как маскхалаты,
А снега багровы, как бинты.
Падают безвестные солдаты
Возле безымянной высоты.

Вот уже и не дымится рана,
Исчезает облачко у рта...
Только, может быть, не безымянна
Крошечная эта высота?

Не она ль Бессмертием зовется?..
Новые настали времена,
Глубоки забвения колодцы,
Но не забывается война.

Вот у Белорусского вокзала
Эшелон из Прошлого застыл.
Голову склонили генералы
Перед Неизвестным и Простым
Рядовым солдатом, что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты.
Вот Он, не вернувшийся из боя,
Вышедший на линию огня
Для того, чтоб заслонить собою
Родину, столицу и меня.

Кто он? Из Сибири, из Рязани?
Был убит в семнадцать, в сорок лет?..
И седая женщина глазами
Провожает траурный лафет.

«Мальчик мой!» — сухие губы шепчут,
Замирают тысячи сердец,
Молодые вздрагивают плечи:
«Может, это вправду мой отец?»

Никуда от Прошлого не деться,
Вновь Война стучится в души к нам.
Обжигает, обжигает сердце
Благодарность с болью пополам.

Голову склонили генералы,
Каждый посуровел и затих...
Неизвестный воин, не мечтал он
Никогда о почестях таких —
Неизвестный парень, что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...
Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты...

ФУТБОЛ

Не скрывают здесь счастья и гнева,
И едва ли кого удивит,
Если будет свистеть королева
И подпрыгивать архимандрит.

Раньше в матч я, признаться, бывало,
Выключала приемник, ворча:
«Жаль, что страсти такого накала
Разгорелись вокруг... мяча!»

Но, попав в Лужники случайно,
«Заболела» я в тот же день,
С уваженьем постигнув тайну,
Украшающую людей:

В сердце каждого человека
Скрыт ребячий волшебный мир,
А футбол это — детство века,
Это рыцарский наш турнир.

Здесь прекрасны законы чести,
Здесь красив благородный бой,
Каждый рад быть в опасном месте,
Каждый жертвовать рад собой.

Здесь сопернику крепко руку
Побежденный с улыбкой жмет —
В том товарищества наука
И достоинства высший взлет!

...Всплески флагов. Свисток арбитра.
И трибун штормовой прибой.
Это лучшая в мире битва
И гуманнейший в мире бой.

О, как были бы мы спокойны,
Как прекрасна была бы жизнь,
Если б все на планете войны
На футбольных полях велись!

* * *

Я, признаться, сбережь не сумела шинели —
На пальто перешили служивую мне.
Было трудное время... К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.

Я пальто из шинели давно износила,
Подарила я дочке с пилотки звезду,
Но коль сердце мое тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как в сорок первом году!

КНИГИ Ю. В. ДРУНИНОЙ

- «В солдатской шинели». Стихи. Изд-во «Советский писатель», 1948.
- «Стихи». Изд-во «Молодая гвардия», 1952.
- «Разговор с сердцем». Стихи. Изд-во «Молодая гвардия», 1955.
- «Ветер с фронта». Стихи. Воениздат, 1958.
- «Современники». Стихи. Изд-во «Советский писатель», 1960.
- «Тревога». Стихи. Изд-во «Советский писатель», 1963.
- «Ты — рядом». Стихи. Изд-во «Молодая гвардия», 1964.
- «Мой друг». Стихи. Изд-во «Московский рабочий», 1965.
- «Страна Юность». Стихи. Гослитиздат, 1966.
- «Ты вернешься». Стихи. Изд-во «Советская Россия», 1967.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Ты вернешься	5
«Я ушла из детства в грязную теплушку...»	6
«Качается рожь песжатая...»	6
«Контур леса выступает резче...»	7
«Я только раз видала рукопашный...»	7
Зинка	7
«Кто-то бредит. Кто-то злобно стонет...»	9
«Не знаю, где я нежности училась...»	10
Два вечера	10
«В каком-нибудь неведомом году...»	11
Ржавчина	12
Ты рядом :	12
«Мы любовь свою схоронили...»	13
Наказ дочери	13
Брошенной	14
Ровесницам	14
«Почему мне не пишется о любви?...»	15
Девчонка что надо	15
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?	17
Тетя Луша	17
Гимн дворнягам	19
Сапожки	20
Памяти Вероники Тушновой :	20
На эстраде	22
«Взять бы мне да и с места сняться...»	23
«А годы, как взгоды, идут в наступленье...»	23
«В раковине крошечной эстрады...»	24
«Я в далеких краях побывала...»	25
«Били молнии. Тучи вились...»	26
Мне близки армейские законы...	27
Неизвестный солдат	27
Футбол	29
«Я, признаться, сберечь не сумела шинели...»	30
Книги Ю. В. Друниной	31

12 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ